

АНТОЛОГИЯ ТАТАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Космос женской души

Как-то в начале девяностых годов, прочитав поэму Анны Ахматовой «Реквием», я лишний раз убедился в том, что споры о женской и мужской поэзии условны. Конечно же, в произведениях талантливых поэтесс есть своя чисто женская прелесть, но все же в основе любых стихов лежит Его Величество Слово. Несмотря на это, в силу принятых условностей, я не чуюсь терминологии «женская поэзия», ибо она есть и существует, несмотря на бесконечные споры критиков и литературоведов. Не является исключением и татарская литература, богатая на свои громкие женские имена.

Заметно выросшая в конце XIX – начале XX века татарская просвещенческая литература дала сильный толчок просвещенческому движению и татарских женщин. Среди них тоже появились первые публицисты и литераторы. Заявила о себе целая когорта интересных поэтесс. Пусть они еще не в полной мере владели профессиональными навыками и не сумели подняться до уровня осознания тогдашнего общественно-экономического положения общества, но они прекрасно знали жизнь своего народа, трудности женской доли и по мере собственного таланта освещали свое смутное время песнями влюбленных сердец. И это было еще одним важным проявлением общества, показывающим рост национального сознания татарского народа на стыке эпох.

В эти годы на страницах татарской периодической печати появились первые произведения таких поэтесс, как Галимэтелбэнат Биктимиря, Ханифа Гыйсмадуллина, Газиза Самитова и другие.

В годы первой русской революции (1905–1908) активность татарских женщин-писательниц особенно возрастает. В их произведениях, наряду с уже привычной вольнолюбивой лирикой и назидательностью, звучат размышления об истории народа, страны и преобладают яркие ноты гражданской лирики (Махруй Мозаффария, Хадича Шаммасова и другие). Многие газеты и журналы заводят постоянные «женские» рубрики. К примеру, редактор известной казанской газеты «Алислах» в ноябрьском номере 1907 года пишет, что растущая изо дня в день активность автороженщин вынудила открыть специальную рубрику «Вселенная женщин». Действительно, такие рубрики появились и в течение ряда лет печатали различные произведения женщин со всех регионов России.

Затихшие было в годы так называемых столыпинских реакций голоса женской лирики приобретают новое, более сильное звучание в период Февральской и Октябрьской революций 1917 года. С падением самодержавия в России резко увеличилось количество татарских периодических изданий и на их страницах буквально про-

изошел всплеск активности женской лирики. На небосклоне татарской литературы появились звезды таких поэтических талантов, как Зайнаб Сагида (Зайнап Сагыйда), Гыйффэт Туташ – Загида Бурнашева, Зайнаб Баширова, Мафтуха Валидия, Загира Байчурин и другие. Оптимизм и жизнеутверждающие мотивы произведений поэтесс в 1907 году даже вдохновили выдающегося татарского поэта Сагыйта Рамиева на создание известного лирического очерка «Нет, я еще не умру! Буду жить».

Культурно-просветительская векторность поэзии татарских писательниц во все времена находит своих благодарных читателей. И, как ни странно, обращение к социальной тематике не только не приземляет, но и придает ей некую гражданскую изюминку, обогащающую весь мегатекст татарской поэзии. Этот своеобразный космос женской души довольно точно озвучен в коротком, но лаконичном стихотворении астраханской поэтессы Газизы Самитовой:

Прожила я на свете немало...
Может, это все было во сне?..
Я как гостя – мне солнца все мало!
Я как птица – парю в вышине.

Бесспорно, на творчество татарских поэтесс конца XIX – начала XX века существенное влияние оказал Габдулла Тукай. И они не только осознали это, но и оставили свои литературные воспоминания и научные труды о творчестве своего великого учителя. Например, Марьям Мухетдиния в газете «Ан» («Сознание») в 1916 году писала, что «подаренные Тукаем народу глубокомысленные произведения воспитают еще не одно поколение татарских читателей».

Как бы мы ни ругали годы советской власти, но именно в те времена татарская женская поэзия достигла небывалых дотолем высот: далеко за пределами Татарстана известны имена таких талантливых писательниц, как Сажиды Сулейманова, Энже Мукминова, Клара Булатова, Лена Шакирзян и другие.

А сегодня вашему вниманию, дорогие писатели, мы впервые предлагаем подборку стихотворений двух наиболее известных поэтесс-юбиляров 2005 года: Гыйффэт туташ – исполняется 110 лет со дня рождения, а поклонники поэзии Хадичи Шаммасовой отметят ее 130-летие.

Мансур Сафин,
*поэт-переводчик, член Союза
российских писателей и
Союза писателей Татарстана*

Муза Гыйффэт туташ

Известная поэтесса Гыйффэт Туташ (Захида Хусаиновна Бурнашева) родилась 19 октября 1895 года в деревне Азеево Ермишинского района ныне Рязанской области, в семье торговца. Начальное образование она получила в деревенской школе – мэктебе. С раннего детства много читала и увлекалась писанием стихов. В 1913–1914 годах в московских газетах «Ил» и «Суз» появились ее первые лирические произведения под псевдонимом «Гыйффэт туташ». Однако ее за-

нятия стихотворчеством родителям не понравились: Захиду держат взаперти, имеющиеся книги сжигают, запрещают что-либо писать и читать. В конце концов, не выдержав патриархальных требований родных, она сбегает из дома. Этот решительный поступок девушки находит широкий резонанс у передовой общественности, и татарская интеллигенция приходит ей на помощь. В 1915–1917 годы в Москве один за другим выходят сборники ее стихов «Гыйффэт туташ ши-

гырьлэре» («Стихотворения Гыйффэт Туташ») и находят восторженный отклик читателей.

Судьба Захиды ханум довольно сложна и интересна. Она всю себя без остатка посвятила служению народу в буквальном смысле слова. В 1917–1933 годах трудилась в Узбекистане: была организатором и одним из первых сотрудников самаркандской газеты «Михнэткэшлэр тавышы», заместителем заведующего отделом народного просвещения Катта-Курганского уезда, директором Узбекского женско-

го института просвещения, редактором отдела художественной литературы Узбекского государственного издательства и на других руководящих должностях. А в 1933–1951 годах она уже работает в Киргизии редактором, начальником Главного управления по делам печати при Совете Министров Киргизии, завучем Фрунзенского филиала Всесоюзного юридического института и так далее. И лишь в 1951 году, вернувшись в Татарстан, сначала проживает в Буинске, затем в Казани. Скончалась 6 ноября 1977 года.

От переводчика.

Гыйффэт туташ (1895–1977)

ПУТНИК

Душу сжигающий холод зимы
Мир весь объял бесконечный:
В бездне мороза – лик солнца, луны,
И даже луч зорьки встречной.

Свишут ветра, играют злорадно.
Хлещут снегами в лицо,
Острые, хладные стрелы тирадой
В души людские неся...

В миг этот
путник какой-то несчастный
Сбил с пути, оступившись, –
Ищет дорогу, ждет соучастья,
С ветром холодным сцепившись.

Мечется ветер вьюгой нещадной,
Горы сугробов вздымая, –
Ищет дорогу упрямо тот путник
В снежной борьбе ожиданья.

ОЖИДАНИЕ

Бесприютны, бездуховны
Все четыре стороны, –
Жаждой душу истязает
Суть неясственной вины.

И луна свет излучает –
Только разве это свет...
Вот судьбы моей дорога –
Может быть, ее и нет...

Праздность, суета веселий
Отчего-то чужды мне.
Я страдаю, я печалюсь
В одиночества огне...

И трепещет, и горюет
Снова парус без конца –
Дней цветы не распускают
Счастья светлого венца...

Ожидаю божью искру –
Как-то все не нахожу,
А случайною искринкой
И сама не дорожу.

1913.

* * *

Люблю лишь тайно, чувств своих
не выдавая.
Стараюсь быть холодной, в душе
всегда страдаю:
Умею сдерживать любовь при каждой
нашей встрече
И равнодушьем отвечать на сладостные
речи.
И очи вниз клоню, не смею ответить
жарким взглядом,
Скорее убежать спешу... желая быть
лишь рядом!..

1912.

ОН – МОЙ ОБРАЗ

Он – мой образ луны,
Вдохновенье святое.
В небосводе мечты
Звезд руно золотое.

И в мечтах голубых
Тайны светлой печали

Я ему подношу
Сладкозвучья речами.

Даже в хмурый рассвет
Я ему все вверяю—
Огнь любовный его
На лучи не сменяю.

СЕРДЦА ПЛАМЕННОГО СЛОВО

Душа еще – да! – летает и сердце,
лучась, погорит.
Звезда моя, ярко сияя, с мирами
поговорит.

Стрел злобных не убоится моя
закаленная грудь.
От заморозков не погибнет цветов моих
вешний путь.

Надежд небеса просветлеют,
помянит мечта-идеал,
И нежный, волшебный ангел
готов освятить жизни даль.

Пусть божье ведет провиденье и ночью
меня, и днем
Во имя Добра и Любви, сжигая
священным огнем.

Перевел с татарского
Мансур Сафин

Судьбу поэзией возвысив

Судьба этой поэтессы привлекла меня даже тем фактом, что скончалась она всего лишь за два дня до того, как я появился на свет. Звали поэтессу Хадичей Сунгатулловной Сайфетдиновой – Шаммасовой (литературный псевдоним – Бинте Сунгат Задэ Хадича). Родилась она весной 1875 года в деревне Большой Колмаер Чардаклинского района нынешней Ульяновской области в семье священника. Начальной грамоте обучилась у своей мамы, а повзрослев, освоила арабский и персидский языки у Жамалый хазрета в деревне Кызылсу. Односельчане, знавшие Хадичу ханум еще с детства, вспоминали о том, что она с юных лет интересовалась фольклором, любила употреблять в разговоре народные поговорки и пословицы, была легка и остра на язык, и очень общительна.

В 1897 году Хадича Сунгатулловна выходит замуж и переезжает в село Журэй, где вскоре начинает преподавать в женском мэктебе. Спустя десять лет, возвратившись в родную деревню, поступает на учительские курсы, после прохождения которых продолжает обучение детей в новометодной (джджитской) школе. В это же самое время она всерьез увлекается литературным творчеством.

Несмотря на сложные времена и житейские трудности, Хадича ханум

более тридцати пяти лет проработала сельским учителем. Среди односельчан пользовалась большим уважением. «Она была очень приветливой, общительной. Выписывала много столичных газет и журналов, которые читала вслух своим ученикам и деревенским женщинам, разрешала пользоваться богатой личной библиотекой», – вспоминала одна из ее учениц Зулейха Галимова.

Да, конечно, выход в печати и издание книг для сельских учителей было делом нелегким. Вот и рукопись первой книги Хадиче ханум возвратили было назад, но она проявила настойчивость и вновь отправила рукопись в издательство, добавив к уже имеющимся стихам еще одно, озаглавленное: «Не заботящимся о нас!..». Поэтическая критика возымела действие и редакционная коллегия, обсудив сложившееся положение, сочла-таки возможным выпустить книгу нового литератора.

Таким образом, в 1913 году увидел свет сборник стихотворений «Сад девушек» Хадичи Шаммасовой, состоявший из 29 произведений, а спустя два года читатели получили еще одну книгу, названную «Рассветный ветер» и вобравшую в себя 37 стихотворений. Она пишет и рассказы, однако ее книга «Не Гаухар, а Марат обманулся...» не успела выйти в тревожном

1917 году из-за ликвидации типографии Каримовых революционными властями.

Будучи женщиной прогрессивных взглядов, Хадича ханум лояльно встретила Октябрьскую революцию и в советское время продолжала трудиться в

системе народного просвещения, обучая грамоте детей и взрослых в татарских селах Мелекесского уезда.

Скончалась поэтесса солнечным майским утром на 75-м году жизни и похоронена в родной деревне Большой Колмаер.

Хадича Шаммасова (1875–1949)

ЧЕМУ Я РАДУЮСЬ?!

Я самой сама ныне дивлюсь:
безгранична радость,
Вслед за радостью – хлынет и грусть,
будто сладость...

О, судьба!
Всем ли так же безмерно трудна
дней дорога?
Только малость по глади прошла,
да вновь – к бездны порогу?
Разве сбилась с пути я? – Лишь только
песок да камня...
И не видно на счастье каких-либо
ясных знамений...

Когда-либо мне посчастливится ль
лугом цветущим
Войти в этой жизни лишь в радость
полные кущи?

Нет! В мире подлунном едва ли
смогу я найти
Такие заветные, светлые к счастью пути.
Земля дорогая! Возьми же в объятия
священны–

Пусть даже враги растеряются,
смертью моей освященны...

СУДЬБЕ

О, судьба! Мои клятвы, пытая, свела
все на нет:
Одарила печалью – лишь младенцем
пришла я на свет.
И когда начала кое-что понимать, осозать,
Познакомила с болью отпущенных
временем бед.

Ты, судьба, осчастливить смогла ли
кого-либо в мире,
И деянья благие вписала ль народу
в кумиры?
Почти каждого душу потерей огнем
опалив,
Вынуждала ты к жизни пустышной,
беззвездной и сирой...

Нет, не верю, что кто-то чему-то
сегодня был рад –

Столько было обманов, падений
и столько преград...
Новой тенью тоски даль небес, даль
земная укрыты,

Вот уже назревает беда, а за нею вторая –
покрытней.
Если с кем-нибудь встретиться, да
и поговорить:
Стар и млад в горе горьком безропотно
тлеет, горит...

Так что, друг мой, напрасно груз надежд
ты в себе не таи,
От судьбы горькой вряд ли спасешься
в этих слезах твоих...

ПЕРУ МОЕМУ

Ах, перо, поскрипи, посекретничай –
Вязью, бисеринками лист покрой.
Кто ж еще мною интересуется
И поможет тревожной порой?

И пока ты в друзьях моих будешь,
Врачевать раны сердца смогу я.
Пой со мною и в праздник, и в будни,
Претворяя в жизнь планы благие!

МОНОЛОГ ВЛЮБЛЕННОЙ

Эх, душа, не грусти-ка напрасно –
каждый вечер имеет зарю,
Если день этот кончится, завтра я
в грядущих делах догорю.
Не кручинься, что вот уже – вечер,
а подумай, что завтра опять
Будут новые наши встречи в бесконечных
страстях кипеть.

Я люблю этих сумерек синих
искушенную днесь красоту,
Что от глаз посторонних сокроет наших
радостей всю красоту.
Легкой занавесью вечерее –
для влюбленных святая пора:
Вы у них, вы у них спросите:
как прекрасны надежд вечера!

Перевел с татарского
Мансур Сафин